

Ганс Гейнц Эверс Распятый Тангейзер

Анонимный перевод

Сон, навеянный песней.

Он медленно натянул на себя сюртук Пьеро. Затем черные с широким вырезом лаковые туфли и длинные чулки из черного шелка, на которые спадали белые брюки. Затем надел большой воротник на плечи и длинную широкую накидку. И все это из матового белого шелка с черными кисточками. И еще гладкую белую маску, плотно прилегающую поверх волос. И пудра, много пудры. И наконец остроконечная шляпа.

Он вышел из дому. Уличные мальчишки острова Капри, приученные иностранцами ко столь многому, бежали вслед за ним и вопили:

- Паццо! Паццо! Паяц (ит.).

Он не обращал на них внимания. Он шел медленно, как во сне, по улицам, не оглядываясь назад. Озорники оставили его и вернулись обратно, когда он вошел в апельсиновый сад. Он прошел по нему за Цертозу, старый монастырь, отведенный ныне под казарму. Туда иностранцы не заходят никогда, разве что однажды там заблудился один немецкий художник. И все же это было самое прекрасное место на прекрасном Капри. Однако сюда было не так-то просто попасть, к тому же старый мошенник-арендатор, старый Николо Вуото, запирали все двери и калитки в пришедшей в упадок стене, громко кричал, бранился и кидал камнями, когда кто-нибудь заходил на его участок.

Но сегодня он не кричал и не бросался камнями. Он был так изумлен белой фигурой, показавшейся там, на солнцепеке, что быстро сделал несколько шагов в сторону беседки. Там стоял он и удивлялся. Наконец ему пришло в голову, что это, пожалуй никто иной, как "синьор", и он забрюзжал презрительно: "Паццо! Паццо!" - и долго бросал ему вслед ядовитые взоры.

Напудренный Пьеро шагал дальше. Он перепрыгнул через пару стен, сполз с нескольких крутых спусков, поднялся по крутым склонам, двигаясь, почти как кошка, эластичными и вялыми движениями. Через небольшую миртовую рощу и затем вдоль кактусов на скалах.

Наконец он остановился. Прямо перед собой он увидел двух больших, метровых змей. Но, казалось, эти обычно такие пугливые твари вовсе не замечают его присутствия, настолько они были заняты друг другом. Самка ускользала наверх, двигаясь через кусты и камни, самец преследовал ее. Вдруг самка остановилась, прямая как свеча, откинула назад голову и вытянула трепещущий язык навстречу своему преследователю.

Но тот обвился вокруг нее, изогнулся, скользнул вдоль нее вверх так, что ее тело задрожало и еще теснее, еще плотнее обвилось вокруг него.

Так голубовато-стальные тела блестели и светились на солнце. Как это было прекрасно! Пьеро глядел, не отрываясь. Видел ли он маленькие короны на головах этих змей?

Маленькие золотые короны...

Он пошел еще медленнее, чем прежде.

Наконец он очутился возле Марелетто, заброшенной башни сарацин, расположенной там, на откосе. Над ним нависали старые стены Цертозы, слева возвышалась Монте Куоро, справа - Монте

Саларо; обе горы выбрасывали свои дальние отроги далеко в Италийское море.

Он взглянул вниз. Там простиралась *piccola marina* с ее рыбачьими хижинами, перед ней - остров сирен, окруженный белым прибором голубых волн.

На другой стороне гордо вздымались Фараглиони, мощные каменные блоки, вырастающие прямо посреди моря.

Здесь было то место, которое он предназначил для свидания. Для своего последнего

свидания с солнцем.

Он сел перед обрывом и спустил ноги вниз. Одно мгновение он глядел в пропасть. Затем вынул из кармана толстую оплетенную фляжку. Темное ишемийское вино кроваво заполнило стакан.

Пьеро выпил. Он пил за солнце, он пил за него точно так же, как незадолго до этого в grotta azzuga, там, внизу, он пил за море. Он опорожнил стакан одним глотком, потом наполнил снова.

И снова он выпил за солнце.

Затем он бросил стакан и фляжку прочь, на утесы. Он встал, отошел немного назад, к стене, туда, где крутая скала образовывала тень. Там он улегся, подложив под голову шляпу. Он потянулся и тихо пропел:

Mimi Pinson est une blonde,
Une blonde que Ton connait... *

* Мими Пансон - блондинка,
Любимая картинка (фр.).

Маленький красный паучок полз по его сюртуку. По белому шелку, а потом по кисточке. Удивительно маленький красный паучок, как он карабкался!

Пьеро насвистывал:

Красный крохотный паук,
Красный крохотный паук...

Затем он раскинул руки и поглядел вверх. Голубизна неба смеялась и пела, словно хотела освободить его от всего. Когда он приподымал голову, он мог видеть море, голубое, с маленькими белыми облаками на гребешках волн совсем как небо. Голубизна, сияющая, светящаяся голубизна - он всасывал ее глазами, осязал руками, дал ей проникнуть во все поры тела.

Он слушал музыку голубых красок. Его глаза закрылись, но он видел вполне отчетливо. Он чувствовал, как мягкое ласкающее дуновение опустилось на его члены, словно легкая благотворная усталость, лаская, укрыла его в своих пушистых голубых волнах.

Ему показалось, будто голова его покоится на мягкой женской груди, он чувствовал дыхание этой груди, ее легкие подъемы и опускания.

Но он остерегался делать малейшее движение или хотя бы приоткрыть глаза. Он лежал так тихо, совершенно без движения, как будто спал. И тогда он вдохнул в себя аромат, словно слетевший с цветов персика, и почувствовал, как узкое бледное личико приблизилось к его ступням. Это была Лили. Она присела внизу и прижала свои бледные детские щеки к его лаковым туфлям. Эрмина же сидела, плотно прижавшись сбоку, красные вишни все еще были вплетены в ее русые волосы. Из испанской лютни извлекла она печальные, влачащиеся аккорды "La paloma" Голубка (исп.). А Лизель положила Пьеро свою ладонь на сердце - тонкую, ангельски узкую ладонь.

И Клара была тут, чернокудрая голова украшена крассом, ее взоры пылали, как будто он хотела его сжечь. Очень медленно она рисовала губами свою лучшую песню:

Однажды мимолетом приласкав,
Ты оттолкнул меня, лишь полюбила.
Я умерла, но, мертвою не став,
Я стала твоей болью и могилой.
Как тяжела любви стальная сеть,
Что я себе сковала ненароком!
Нам суждено в объятьях умереть,
Мой поцелуй твоим да будет роком!
Бьет сердце громко, но глаза сухи.
Прошла любовь, ты поднимаешь кубок,
Ты пьешь - и виноградная лоза
Печатью смертной связывает губы.

Но Пьеро улыбался.

Мери Вайн подошла к нему, та, что он называл Геллой. Легкий всполох прошел по ее рыжим волосам, и губы ее болезненно искривились. Казалось, она не видит никого вокруг, кроме белого Пьеро.

- Как легко ты отказываешься! - сказала она.

И еще многие были здесь, да, многие. Лора, и Стения, и черная Долли. И милая миниатюрная Анна, и неаполитанка, и золотокудрая Кейт. И... - многие другие.

Но эта стояла в стороне от других, совершенно одна, не трогаясь с места. Солнце бросало свой свет на ее мертвенно-бледное лицо. Она выглядела, как жрица, в ее черные волосы были вплетены магнолии, и магнолии были в обеих ее руках. Это была она, та, на груди которой только что покоилась его голова. Теперь же она стояла в стороне, а его голова лежала на твердом камне.

- Мы - твой день и твоя жизнь! - льстили ему другие.

- Я - твоя смерть и твой сон! - говорила она.

- Я обовьюсь миртом вокруг твоих ног, - говорила Констанца, а Клара бросала на него порхающие лепестки мака. И ото всех от них распространялся вокруг странный аромат, аромат, воспламеняющий желание, аромат белых женских тел.

Миниатюрная белокурая Анна целовала его глаза, а Долли ласкала напудренные щеки. А Лизель пыталась своими тонкими пальчиками разгладить

горькую морщину около его рта. Легким танцующим шагом, покачивая бедрами, подошла Стения, а испанка все пела и пела свою странную песню о белой голубке.

Наконец и та, другая, бледная жрица с магнолиями в волосах, подошла к нему.

- Я - твой сон и твоя смерть! - сказала она.

И тут отпрянули все остальные. И медленно, без единого слова, она вложила в каждую из его открытых ладоней по большой красной розе. Затем согнулась вперед, присела и поцеловала его прямо в рот.

Больше он ничего не видел.

Но красные розы горели в его руках, и жгли его ладони, и приковали их к камню скалы, словно раскаленные гвозди.

Красные раны, пылающие красные розы...

Его голова молитвенно склонилась ей на грудь... как знать, может быть, он чувствовал ее дыхание, легкие подъемы и опускания ее груди.

- Я - твоя смерть и твой сон! - сказала она...